

Музыка человеческого общения 19

Москва, ноябрь - 1994 - 21 мая - с. 14.

В книге «Чужой спектакль», вышедшей ровно 15 лет назад, Михаил Левитин писал о своей профессии: «...Какая, в сущности, завяная профессия - режиссура. Мы все безбашотны... Мы бессмысленны. Бессмысленны, когда у нас нет сцены, нет актеров, нет актрис, нет зрителей. Мало на землице таких зависимых профессий».

Тогда эти слова запали в душу какой-то пронзительной печалью, печалью по судьбе режиссера, этакого своего собственного театрального дома, печалью по тому разительному контрасту, что существует между взглядом со стороны изнутри. Сегодня они вспомнятся и воспринимаются иначе - истанция времени словно придаёт этому признанию иной объем, в словах о беспомощности заучила неожиданно нота не той, эвжей, зависимости, а иной, окшненной эпохой, в которую мы вдем...

Но это тема отдельная, какой я живопретущей она ни была. ейчас речь об авторе той давней иги, который в нынешнем году удёт отмечать небольшой, но тень важный юбилей - десятилетие театра «Эрмитаж» ставшего эти годы не только театром-домом для режиссера Михаила Левитина, но и совершенно особым достранством для зрителей, приходящих сюда из вечера в вечер.

Все эти годы Михаил Левитин режиссер, писатель, исследователь литературы, сознательно и эволюно жестко: выстраивал не просто определенный репертуар, а некую внутреннюю линию, по которой шел его театр. Еще в самом начале, когда в Театре мини-пор появился ошеломивший зрелищной эстетикой спектакль «Бомс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов», Левитин как будто бы

сам определил направленность будущего театра, как театра «не для всех». И менее всего предполагается под этим понятием какая бы то ни было элитарность публики - все гораздо проще и... значительно театральнее.

Помните, в «Школе клоунов» три персонажа рассказывают и показывают нам, как с самого утра не могут отделаться от ощущения чего-то чужеродного в горле; они покашливают, сглатывают и, наконец, так или иначе освобождаются от маленького металлического молоточка, у каждого из них застрявшего в горле? Для меня с годами эта сценка стала своего рода символом: те, кто сумел обитаться времени словно придаёт этому признанию иной объем, в словах о беспомощности заучила неожиданно нота не той, эвжей, зависимости, а иной, окшненной эпохой, в которую мы вдем...

Потому, наверное, что спектакли Михаила Левитина нельзя просто смотреть; каждый из них в отдельности и все они вместе требуют от зрителя и определенной культурной подготовленности, и определенного уровня образованности, и - может быть, это самое главное! - готовности войти в то сложное, многослойное духовное пространство, которое от спектакля к спектаклю выстраивает Михаил Левитин.

Но все сказанное совершенно не означает, что Левитин выбирает лишь «трудную» литературу и ставит по ней «трудные» спектакли. Театр «Эрмитаж», конечно, обладает совершенно особой афишей, в которой имена Гоголя, Олеси, Бабеля, Цветаевой, Венденского кажутся органичайшим

из сочетаний, потому что каждый из названных писателей не вычленен из культурного и исторического контекста, а максимально распахнут Михаилом Левитиным в прошлое, настоящее, будущее. И на это именно стыке времен, а значит - стыке памяти, эмоций, впечатлений, рождается кого-то покоряющая, а кого-то отталкивающая магия театра Михаила Левитина.

Почему отталкивающая? - потому, наверное, что все мы люди, все мы по-разному дышим, слышим, воспринимаем, относимся к прошлому, к памяти.

Почему покоряющая? - да по тем же самым причинам...

Наверное, один из самых характерных в этом смысле спектакль «Мотивчик», премьера которого состоялась в предыдущем сезоне. Для полноценного восприятия этого спектакля, в конечном счете, важны всего лишь два личностных момента: насколько привязан внутренне человек к памяти своего детства, насколько

жизнетворным для всей последующей протяженности времени считает он его, насколько глубоко умеет зачерпнуть оттуда - это первое условие». Вторым становится любовь к классической оперетте, к романтическому, приходящему (хотя для многих связанному с пошловатостью) миру веселых адов, принцесс цирка, таинственных графинь и проигравшихся в дым повес...

Но Михаил Левитин - тот режиссер, что открыл нам мир обариутов и через них, с их помощью, некое большое и защищенное пространство, которое для кого-то стало подлинным откровением, а для других осталось заманчивым, крайне любопытным. Не все, так шифром, за которым немногое открылось, но все же поворочило, увлекло, захватило чем-то не до конца внятными. Может быть, тем, что Михаил Левитин и здесь, в таком, казалась бы, «неподходящем» материале пытался найти обрести мотив человеческого единения? Тот едва слышный мо-

тивчик, что способен прозвучать когда-нибудь мощным аккордом.

В спектакле «Кругом, возможно, Бог» таким неожиданным аккордом оказывается «Песня чаров» - стихотворение, разыгранное всеми участниками спектакля как завораживающе-медленное, беспристрастное и тем самым заставляющее течение Времени, в котором каждый из нас в отдельности и все мы вместе - малые песчинки, несущиеся неведомо куда и зачем...

Почти каждый спектакль Левитина усложняется по сравнению с предыдущим, и это происходит не только потому, что режиссеру и писателю Левитину интересно поднимать внутреннюю планку. Хотя, быть может, и этот момент играет свою роль. Но мне представляется, что человек, давно взявший на себя обязанность просветителя и адепта высокой культуры, оказывает нам, зрителям, доверие, все шире раз за разом приоткрывая дверь в мир того, что составляет для него главный творческий интерес. В последней премьере театра, спектакле «Сонечка и Казанова», к нам обращаются как к хранителям культурной памяти, как к высоким ценителям подлинных идеалов. Оправдана ли такая позиция режиссера? - боюсь отвечать с уверенностью. Полезная ли, плодотворная ли она? - несомненно...

Я пишу это все о Михаиле Левитине, зная его спектакли с самых первых в Москве, тех, о которых, может быть, и он сам вспоминает с трудом, я же вспоминаю о них, особенно о «Бойне номер 5» по роману Курта Воннегута, с ощущением того, что времена изменились до неузнаваемости; а вот Михаил Левитин остался верен себе. Постепенно, но твердо

он «доводит», дорасшифровывает, домисливает все то, что присутствовало в его человеческом и театральном мире уже тогда, почти два десятилетия назад. Особенно же - в последнее десятилетие, когда возник на карте Москвы театр «Эрмитаж»...

Много лет назад я брала интервью у Михаила Левитина. Он говорил в основном о его книге «Чужой спектакль», и я припомнила показавшуюся мне очень важной цитату: «Ленинград в памяти моей не просто город, подавляющий великолепием, но и маленький остров, на котором с небольшой группой людей я разучивал музыку человеческого общения».

В ответ Михаил Левитин привел эпизод репетиций спектакля «Фантазии Фарятьева», когда одна актриса, выслушав его наставления, сказала: «Как трудно играть такую бессмысленную музыку!..» Ей было трудно, но интересно. «Может быть, эта «бессмысленная» мелодия и есть настоящая музыка человеческого общения?» - спросил меня или самого себя Левитин.

Наша беседа четырнадцатилетней давности, опубликованная в журнале «Литературное обозрение», так и называлась - «Музыка человеческого общения». И сегодня, вспоминая ее, написанное и поставленное Михаилом Левитиным, думаю о десятилетнем пути его ни на один другой не похожего театра, я не могу назвать свои заметки иначе. Она; звучит все отчетливее, она становится все дороже, эта дивная мелодия...

Наталия СТАРОСЕЛЬСКАЯ.
На снимке: сцена из спектакля «Кругом, возможно, Бог».
Фото Валерия СКОКОВА.

